

18+

Владимир Муляров

Лабиринты одиночества

Сборник рассказов

Владимир Муляров

**Лабиринты одиночества.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Муляров В.

Лабиринты одиночества. Сборник рассказов / В. Муляров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909936-5

В данном сборнике мною представлено то, что, как мне кажется, у меня наиболее получилось. В этой книге наличествуют отдельные рассказы, а также цикл миниатюр «Люди в церкви». Все произведения очень разной тематики — от юморесок и сугубо церковной литературы до легкого фэнтези. Объединяющее название сборника мною выбрано как наиболее соответствующее духу всего того, о чем я пишу.

ISBN 978-5-44-909936-5

© Муляров В.
© Издательские решения

Содержание

«Финка»	6
Аю-Даг	14
Цикл миниатюр под общим названием «Люди в Церкви»	19
Слово о революционерах	19
«Слово на Прощенное Воскресенье»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лабиринты одиночества

Сборник рассказов

Владимир Муляров

Редактор Яна Владимировна Павловская

© Владимир Муляров, 2018

ISBN 978-5-4490-9936-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие.

Подводя предварительные итоги первых 57-ми прожитых лет, и если, конечно, говорить очень кратко! ... Да мне и не удалось бы сказать все то, что я хочу! Потому что чувства человеческие лежат вне речевого аппарата, вне лексикона. Они – язык души! И сложность перевода того, что ты чувствуешь, средствами языка, – пусть даже самого совершенного, – всегда такого уровня, что невысказанным остается все самое главное! Этот недостаток, невысказанность, мы можем восполнить добрыми делами. Они в известной мере компенсируют все то, что ты не в силах выразить словами в отношении людей. Впрочем, здесь – не о делах. Здесь – только моя речь!...

Хорошо у меня вышло, или не очень, судить, безусловно, читателю!

Рассказ «Финка», серия рассказов «Люди в Церкви» и несколько маленьких миниатюр. А так же «Лабиринты Одиночества» и рассказ «Абрикосы» – вещи, безусловно, спорные! Но от этого не менее интересные! Вот, собственно, и все, что я хотел бы вам предложить.

С уважением, автор.

«Финка» Рассказ

Утро. Обычное июльское утро в обычной деревне в Центральной полосе России. Слышится кукареканье неугомонного и очень клевачего петуха Маровых, мычание коров где-то вдалеке, на поле, и стрекот кузнечиков прямо под окном деревенской трехконки, которое завешено грязной марлей. Возле моей головы жужжит назойливая муха, и где-то совсем рядом тихий голос говорит: «Зайчик, вставай! А то проспшишь всё Царство Небесное!»

Конечно, это бабуля уже испекла пироги. Потому что этот аромат! ... Ах!

Я легко, как мотылек. Я вскакиваю с соломенного матрасика, лежащего на простом дощатом некрашеном полу, и замечаю, что у меня, почему-то, ничего не болит. У меня не ноет и легко гнется во все стороны моя спина. Не ноют вечно больные ноги, и – О, Боже! – У меня во рту еще все зубы. Хотя нет, не все. Многих по-просту еще нет, потому, что они у меня еще не вылезли.

Сейчас мне десять лет.

Сон мгновенно сменяется на активный мой ритм, и я совсем не ощущаю этого перехода. Так бывает только в детстве, когда у тебя нет хронической депрессии и кучи прочих атрибутов бытия, свойственных тому возрасту, в котором детство уже вспоминается, как невосполнимая утрата. Как где-то позабытое счастье.

Я перепрыгиваю через рыжего хозяйского кота, который по наглости своего характера всегда лежит вдоль порога двери, ведущей прямо из комнаты через коридор избы в хлев. А там, в хлеву, где живут куры и гуси, есть то, что заменяет жителям деревни туалет. Там есть жердочка... Бабуля извлекает из русской печки открытый пирог с черникой, которая собрана утром в сухом хвойном лесу совсем недалеко от избы, где мы снимаем комнату у простой русской тетки по имени Мария.

Тётя Маша Марова. Идет июль одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года от Рождества Христова. Вернее, Новой Эры, как принято было говорить в те годы...

Муж Марии, Василий Маров, только что вернулся из очередной отсидки, и поэтому храпит пьяный в соседней комнате. А мы в этом году в деревне только вдвоём с бабулей. Потому что мама всего полгода назад, в середине февраля, родила моего младшего брата и поэтому, конечно, оставалась в городе.

Я хватаю набегу кусочек бабулькиного пирога и ничем его не запивая, мчусь босиком вместе с деревенскими мальчишками в колхозный сеновал. Там уже собрано под огромным навесом достаточно свежего июльского сена первого покоса, и мы ныряем в него, как в воду, и принимаемся рыть в этом огромном ароматном миру норы и ходы несколько не хуже мышей, которых тут также достаточно. Мы живем в этом сене почти до самого вечера. А вечером также дружно идем с самодельными луками на колхозные пруды стрелять в лягушек, у которых к этому времени уже вовсю начинаются песни!

Из всех нас я один бегал домой на обед.

Я подхожу неслышной легонькой походкой к дому, где мы с бабулькой отдыхаем, и останавливаюсь возле открытого настежь окна послушать разговор двух взрослых. Они такие разные – моя бабулька и дядька Вася Маров. Бабулька была младшей дочерью в семье православного священника, в Солигаличе, и воспитывалась с пеленок у сестер тамошнего женского монастыря, где её отец и мой прадед, протоиерей Алексей Голубев, окормлял насельниц. Ещё до революции...

– Я тебе говорю, Василий, – слышу я голос бабули, который теперь содержит в себе незнанные мне жесткие нотки, – Я говорю тебе, оставь мальчишку в покое! —

Слышно звяканье посуды. Должно быть, они пьют чай.

– Да что ты, Алексеевна, – слышу я теперь грубоватый и спокойный баритон Василия Марова, – я ведь к нему по-отцовски... Вот пойдем завтра за солониной с ним. Отпустишь? —

– Отпущу. – Говорит моя бабуля, – Но с условием, чтобы от тебя он не нахватался никаких твоих привычек! – Голос её твёрд, но при этом совершенно спокоен.

– Я знаю, – продолжает бабуля, – что ты заслуженный человек, фронтовик. Да и мужик ты неплохой, несмотря на то, что сидишь постоянно. Но... смотри мне! Никакого мата, и никаких разговоров о вашем воровском мире. Я тебе в госпитале жизнь спасала не для того, чтобы ты потом мне из внука сотворил бластного! —

– Дак... – начал-было Василий фразу, и так ее и не закончив, сказал:

– Конечно, Алексеевна, конечно ... —

Мне неловко стоять и подслушивать разговор двух взрослых людей, потому, что мне с пеленок объясняли, что это нехорошо. Но речь ведь идет обо мне, и моё любопытство пересиливает. Ничего, однако, более не происходит. И я, выждав секунду – другую, влетаю в дом для того, чтобы, быстренько перекусив, умчаться обратно к мальчишкам, которые дразнят меня «городским», совершенно не намереваясь при этом как-то обидеть...

Следующий день начинается для меня в четыре часа утра. Как раз тогда, когда становится светло. Дядя Вася, одетый, уже нетерпеливо курит, сидя на крылечке, и дымок махорки врывается в избу через окно вместе с утренним туманом. На нём высокие болотные сапоги, старые, выцветшие армейские брюки-галифе, зашитые уже во многих местах, и легкая ветровка поверх какой-то немислимо пестрой рубахи, не застегнутой ни на одну пуговицу.

– Алексеевна! – Ворчит Василий, – что вы там копаетесь!? Щас городские нахлынут с поезда, вытопчут лес, как кони Буденного! Только и видали тогда грибов! —

Бабуля наскоро меня обувает в детские резиновые сапожки и одевает на меня сверху болоньевый плащик болотного цвета, купленный по чистой случайности в Москве в «Детском Мире». Я выбегаю на улицу к Василию, а она, высунувшись в окно, крестит нас «частым крестом».

Прохладно. Роса. Легкий туман. На улице, по которой мы идём, старая соседка выгоняет свою корову, чтобы та весь день была в колхозном стаде.

– Вася! – Негромко говорит нам вслед моя бабушка. – Вася, помни, о чём мы говорили! —

– Лана! – отвечает Вася сквозь набитый пирогом рот. И тут же, вступив, как водится, в коровий блин, выдает несколько слов, которые я не могу распознать на вслух, потому что слова мне совсем не знакомые! Дядя Вася шагает своими огромными шагами, а я бегу за ним, чтобы просто не отстать. Потом, уже за деревней, до него доходит, что я торможу весь процесс сбора грибов, и он сажает меня к себе на шею, а моё маленькое лукошечко суёт в свою бельевую корзину. Теперь он чувствует себя свободным, и прибавляет ходу. Ну, а я? А мне только того и надо! ... Я сижу на шее у Василия Марова на высоте двух метров над землей и руками кручу воображаемый руль, стараясь сообщить своему транспорту направление движения.

Я всегда знал, что у Василия и Марии было двое взрослых сыновей – Николай и Толик. Старший, Николай, утонул, переходя по льду Волгу весной. А младшего, Анатолия, в том же году съели волки, когда он шел домой из лесного техникума, где учился с восьмого класса. Он решил срезать дорогу, пройдя лесом. Народ в деревне говорил, что это в наказание за то, что Василий беспутный мужик, вор. А бабуля моя отговаривала злоязычников от, как она выражалась, напрасного осуждения, и даже поругалась с соседкой Тонькой-медичкой до такой степени, что они обе таскали друг дружку за волосы, пока их не разлили водой подоспевшие на шум мужики...

Бабуля любила Василия. Она видела в нем что-то, чего не видел больше никто. Любила его и Мария. И ждала каждый раз, когда его сажали за очередную кражу колхозного имущества. Конечно, как я понимаю теперь, Василий Маров был больным человеком, хронически воровав-

шим всё, что плохо лежало. Но, с другой стороны, он прошагал всю войну от звонка до звонка в роте фронтовой разведки. И иногда, будучи в изрядном подпитии, вспоминал фронтовые дни. И даже тут самым излюбленным у дяди Васи рассказом был момент, когда он с товарищами ушел «за языком» и, забравшись к немцам в избу, первым делом упёр у них все ценности.

Он смеялся, когда это рассказывал.

Он относился к воровству чужего добра, как к стилю жизни. Такому же, как, например, увлечение филателией, не видя в воровстве абсолютно ничего предосудительного.

Вот и лес.

Дядя Вася снимает меня со своей шеи и вынимает из своей корзины моё лукошечко.

– Теперя сам. – Говорит он мне. – Да смотри, не теряй меня из виду. Я по лесу не гулять хожу, а бегаю бегом. Потому что волка ноги кормят. Если только перестанешь меня видеть, сразу кричи. —

– А что кричать? – Серьёзно спрашиваю я. Он улыбается и говорит

– Просто позови меня! —

Я никогда не видел грибы в лесу. И всегда удивлялся тому, как человек может в крошечной кочке, практически незаметной для глаза, и закрытой сверху толстым слоем хвои и прелых прошлогодних листьев, разглядеть гриб?

Часа через полтора очень быстрой ходьбы по лесу у Василия было всё, что нужно для того, чтобы с полной победой вернуться домой. Ну, а у меня в лукошечке не оказалось ничего. Потому что я бежал строго за дядей Васей. А после него в лесу грибов не оставалось.

Наконец, он остановился у большой поваленной сосны, поставил свою корзину, вынув из неё предварительно какой-то свёрток, и мне сказал.

– Щас мы сбегает с тобой на болото. Своё лукошко клади сюда! – И указал ногой под сосну. Сам же он свою корзину, практически полную грибами, тоже засунул под упавшую сосну и заложил со всех сторон ветками, которые почему-то тоже очень кстати тут оказались. И мы налегке двинулись в сторону жуткого болота, имя которому Патрина топь. Там люди пропадали постоянно. Разумеется, те, кто по своему слабоумию рисковал туда соваться.

Я понимал, что ходить на Патрино болото – это ровно то, что бабуля мне категорически запрещала. Да я бы и сам не посмел, потому что рассказы деревенских мальчишек об этом гиблом месте въелись в мою душу нестерпимыми ужасами. Но что я мог сказать взрослому дядьке, который вырос в этих краях? Да он бы и не оставил меня в лесу караулить наши корзинки. Потому что в краях этих водилась и рысь, и мишки, и прочая лесная живность.

Быстро, молниеносным движением руки смахнул Василий с дерева длинный и увесистый сук. Затем взял меня в охапку, вновь водворил себе на шею и сказал

– Сиди тихонько. На трясине не бойся и никак меня не отвлекай. —

– Ладно. – Шепотом говорю я, и мы идём! Но уже не так, как раньше, бегом. Куда делся тот дядя Вася, который ломится по лесу, словно лось. Теперь он напоминает мне рысь, движущуюся медленно и очень аккуратно, выверяя каждый свой шаг. Палкой тычет впереди себя, проверяя прочность трясины. А трясина колыхается под нашим совокупным весом, как палуба рыбацкого баркаса в сильный шторм, и мне страшно.

Даже сидя на шее у дяди Васи, мне страшно смотреть в черноту провалов топи, в те дыры в трясине, каждая из которых стоила кому-то жизни. Их лесники забрасывают ветками. Но новые дыры образуются снова и снова.

– Вот тут лось давеча завалился! – Вполголоса говорит дядя Вася даже не мне, а скорее, самому себе. И я, повернув голову направо, с ужасом смотрю в черную дыру продолговатой формы, которую мы огибаем по большой дуге, и почти физически ощущаю боль, ужас, панику огромного и сильного зверя, сгинувшего накануне в хлюпкой бездне. Потому что я вспоминаю тот страшный, душераздирающий рёв, который был слышен третьего дня вечером.

Патрина топь...

Кто бы осмелился жить на болоте, если даже местный, ушлый и очень осторожный мужик, сумевший выжить в Великой Войне, заметно боится этого жуткого места?

Ну, разумеется, только тот, кто еще круче, чем Василий Маров, и чей шалаш внезапно возникает перед нами. Из этого шалаша струится едва заметный дымок, а меня снимают с шеи, и мои затекшие ноги моментально начинает колоть тысяча иголок.

– Стой здесь, Вовка. – Говорит мне дядька Вася. – Стой, и никуда не двигайся. А то сам знаешь! ... А я друга проведу. —

С этими словами он тихонько свистит, как птица, и на его свист из шалаша выглядывает лицо человека неопределенного возраста. Выглянувший мужик настолько страшен, что не будь он человеком, я бы подумал, что это и есть тот самый леший, которым меня всегда пугали местные мальчишки. Возможно, они были недалеко от истины, потому что Василий, протянув руку болотному жителю, сказал

– Привет, Леший. – И сказал он это очень тихо.

– Привет, Колесо. – Также тихо ответил ему Леший, и я узнал, что дядя Вася имеет еще одно имя.

– Вот, – говорит Василий Лешему, протягивая ему сверток, – я тут собрал всё, как ты просил.

– Это еще кто? – Немного резко спрашивает его Леший, кивая в мою сторону.

– Вовка, внук Алексеевны. – Отвечает Василий, и я замечаю на физиономии Лешего неподдельное уважение.

Они оба удаляются внутрь шалаша. Но, перед тем, как скрыться, Василий оборачивается ко мне и говорит шепотом

– Смотри, никуда! – И подумав секунду, добавляет – А то Леший тебя съест! – И говорит он это так серьезно, что я понимаю, что это так и есть!

Так я стою и кормлю собою полчища комаров, которые, как по команде, собираются, наверное, со всего леса, специально для того, чтобы позавтракать тут мною. Мне себя до слез жалко, потому что я такой еще маленький, а эти комары такие здоровенные! Но уйти некуда, и мне ничего не остается делать, как только ждать, когда Василий – он же Колесо, – обсудит со своим другом все их проблемы.

Проходит Вечность и, наконец, что-то жуя, Василий показывается из этого крошечного шалашика, в котором непонятно каким образом смогли уместиться двое огромных мужиков. Я чувствую острый запах самогонки, которую Мария Марова гнала время от времени частично на продажу, частично, для себя и мужа Васи. Вслед за ним из шалашика выбирается и Леший, уже изрядно захмелевший. Они обмениваются легким рукопожатием. Молча. И тут Леший мне говорит тихо и очень хрипло

– Смотри, Вовка, не сказывай никому про то, что видел здесь! —

Я испуганно киваю головой, и потом также молча, мы следуем с дядькой Василием обратным путем к поваленной сосне через всю Патрину топь. Там Василий изымает из-под ствола свою корзину и, бегло в нее взглянув, говорит сквозь зубы

– Ссволочь, ворьё! Барсук порылся! – И выдаёт еще пару совсем не литературных слов.

Я также смотрю в его огромную корзину, однако, ничего не вижу в ней особенного. Грибы, как грибы! Где-то недалеко от нас лесной воришка барсук, наверное, потирает ладошки и посмеивается над нами.

Василий нагибается за чем-то вниз, потом выпрямляется и говорит мне

– Вынимай своё лукошко и айда домой. —

Я тоже нагибаюсь, заглядывая под зеленый ото мха ствол палой сосны, чтобы забрать своё лукошко там, где я его оставлял, и замечаю совсем рядом с ним нечто блестящее, красивое. Я это беру в руку и, извлекши на свет Божий, вдруг обнаруживаю, что это... финский нож!!!

Восторгу моему нет предела, потому что нож настоящий, с красивой наборной ручкой из цветного оргстекла. Я протягиваю нож дяде Васе и говорю

– Вот, нож. —

– Теперь он твой. – Говорит мне Василий. – Ты же его нашел! —

Так-то оно так, да не так! Потому что нож этот совсем не мой, а забытый кем-то. И этот кто-то наверняка теперь плачет о том, что потерял такой красивый финский нож. Поэтому, наклоняясь, я кладу финку обратно под ствол дерева. Мне нестерпимо это расставание с тем, о чём тайно мечтает каждый мальчишка. Но! ... Нельзя! Нельзя брать чужие вещи!

– Ну, ну, ну, ну! – Восклицает дядя Вася, глядя на то, как я, скрепя сердце, пытаюсь положить нож обратно под ствол упавшей сосны.

– Эт, брат, никак нельзя делать! – Добавляет он, и изымает нож обратно. – Ты ведь его нашел, так? – спрашивает он меня

Я молча киваю головой. Потому что нож этот нашел я.

– Вот теперь послушай, – говорит мне дядя Вася. – Нож этот теперь твой. По жизни. Потому что ты нашел то, что ненужно никому. И ты теперь этой ненужной никому вещи найдешь применение. Нож – это вещь! – Продолжает дядя Вася. – А ты взял то, что всё равно никому не нужно, и пропадет тут без дела. —

– Как же, нож никому не нужен? – Пытаюсь я вставить своё слово. Тогда дядя Вася Маров, присевши на корточки, смотрит мне прямо в глаза, и я выдерживаю этот его взгляд. Его глаза чисты, как небо, и то, что он мне говорит, настолько неоспоримо, настолько логично и настолько убедительно, что противостоять этим его словам никак у меня не получается.

– Запомни, Вовка, – говорит мне дядя Вася, глядя мне прямо в глаза и делая акцент на каждом слове.

– Нужные. Вещи. Не. Теряют. —

Он тянет паузу, чтобы до меня дошло, и продолжает. – Я вот, к примеру, не теряю же свою махорку, не теряю свои ножи и я не теряю ничего из тех вещей, без которых не могу обойтись. А ты, Вовка, никогда не потеряешь ладанку, которую тайком носишь, чтоб никто ее не видел! Потому, что в Бога верить нехорошо! Ты её поэтому носишь тайком. И не потеряешь никогда! А если случится тебе её потерять, то ты тут же бросишься её искать везде. И будешь искать, пока не найдёшь. Ведь так, Вовка? – спрашивает меня дядя Вася, и я киваю головой. Потому что ладанка, которую мне зашила бабуля под воротничок рубахи, мне и в самом деле почему-то очень дорога.

– Во-о-о-от. – Нараспев говорит дядя Вася. – Поэтому, если вещь долго валяется, и за ней до сих пор никто не пришел, то это значит, что она никому больше не нужна. Ничейная вещь! И именно поэтому ты сделаешь доброе дело, если снова дашь этой вещи поработать. Теперь для тебя. Так? – спрашивает он меня.

Я не знаю, что мне ответить дядьке Василию, который ждет от меня ответа и который мне безгранично нравится. А в небе тем временем начинает погромыхивать гром, который, впрочем, еще очень слаб, чтобы застать нас врасплох.

Дядя Вася продолжает, сидя на корточках, смотреть мне прямо в глаза, ожидая, когда же до меня, наконец, дойдут столь простые и очевидные истины. А меня, как назло, заклинило. Так же, как недавно на уроке ритмики, когда я забыл все движения вальса, которым нас учили в школе, и стоял, как вкопанный, рядом с покрасневшей от стыда девочкой из нашего класса. Мне вот и сейчас почему-то стыдно. Я всё думаю про то, что было бы совсем даже неплохо иметь у себя такой вот нож. И при случае можно им похвастаться перед мальчишками, которые откроют от изумления рты, как только увидят у меня эту финку! ... Я бы даже приврал немножко. Совсем чуточку бы приврал, когда сказал бы, что нож этот мне подарил Леший в самой середине Патрина болота, куда мы ходили с дядей Василием. ... Нет! Лучше сказать, куда я ходил один поздно вечером! ... Я вижу, как деревенские мальчишки стоят, полные ува-

жения ко мне, городскому, и даже сказать ничего не могут! ... Дядя Вася тем временем снова говорит мне, почему-то переходя на шепот. Совсем как тогда, у шалаша Лешего.

– Пойми, Вовка, – говорит мне дядя Вася Маров, – что всему – своё время! А каждой вещи – своё место! И что было – то и будет! Всегда! Это, брат, Ленин сказал! Вот, этот нож сделал кто-то, старался. И долго пользовался этим ножом. А посла то ли надоел он ему, то ли человек просто небрежный оказался, разява, что не любит свои вещи, и он пошел в лес по грибы и этот ножик забыл тут. И что этот фраер сделал после того, как хватился, что у него ножа-то больше нету? – Дядя Вася снова делает паузу, давая мне осмыслить сказанное им. И тут я замечаю, что вокруг нас становится как-то слишком темно. Наверное, и впрямь, скоро будет дождик. Потому что и небо, и лес, и берёзы стали какими-то серыми, некрасочными и даже неприятными. И в лесу стало сразу же очень неуютно как-то.

– А ничего, Вовка, он не сделал. – Как ни в чем ни бывало продолжает свой монолог дядя Вася. – Не пошел он обратно в лес найти свой нож. И плюнул на него. И уже забыл про него давным-давно! ... Поэтому я тебе и сказал, что нож теперь твой. По жизни! Бери его смело и никого не слушай, кто тебе будет что-то там говорить про это дело. Потому что запомни, Вовка, – он снова смотрит мне прямо в глаза, и в них не отражается ничего, кроме посеревшего от туч неба. А в самых зрачках у дяди Васи качаются ветви берез, – запомни, что те, кто тебе будут говорить, что это нехорошо – брать утерянную кем-то вещь, – они тебе это говорят из зависти! Потому что сами берут распрекрасно, токма не говорят никому, что берут! ... А после, как-нибудь, я научу тебя его метать! – Добавляет он. – Мало ли, в жизни пригодится! – И дядя Вася подмигивает мне вполне заговорщицки.

Вопрос с предстоящим метанием ножа решает, конечно, все дело!

Дядя Вася суёт финку мне за голенище правого сапога – совсем так, как и сам носит ножи, – и я уже этому рад! Потом снова сажает меня на шею, и мы движемся напрямик к дому, срезая наискось угол через колхозное поле, где коровы жуют свой сладкий клевер. День уже в самом разгаре. Жарко. Парит, видимо, на грозу, и у меня начинают слипаться глаза от всех тех интересных приключений, которые выпало мне сегодня пережить. Я ходил с дядей Васей по трясине, познакомился на болоте с настоящим лешим и, под конец, нашел мечту всей своей жизни, настоящий финский нож, который теперь мой по всем законам. Потому что он перестал быть кому-то нужен и поэтому этот кто-то его потерял в лесу, и даже за ним не пришел. Какой-то человек со странным и очень редким именем Фраер.

И теперь этот нож мой по праву!...

Мы с дядей Василием подходим к дому, из которого вышли за грибами в лес несколько часов назад, и устало входим в прохладу сеней. Василий так и идет в дом прямо в сапогах, чтобы сразу же сдать корзину моей бабуле для обработки. Потому что тетя Маша до позднего вечера будет на работе в поле. Сейчас ведь время сенокоса, а грибы до вечера ждать, конечно, не будут! Я остаюсь снять сапоги и заодно спрятать куда-нибудь подальше от бабулиных глаз мой новый нож, и слышу, как в комнате дядя Вася спрашивает

– Что случилось, Таня? —

И по тому тону, каким он это говорит, я понимаю, что что-то произошло, пока мы бегали по болоту. Сунув финку в свой тайничок, за отошедшую доску в стене сеней, я тоже вхожу в комнату и вижу, что за столом сидит моя бабуля и в руках у нее папироса. Она глубоко затягивается дымом, который, струясь через лучи света, льющиеся в распахнутое окно, создаёт невообразимо феерические узоры в воздухе комнаты. Ничего хорошего это не предвещает. Потому, что после того, как у бабули снова открылась язва желудка, она всё время пыталась бросить курить, и курила очень редко. Только тогда, когда что-то происходило совсем плохое в жизни страны или в жизни нашей семьи. Последний раз я видел ее, курящей такой же вот «Беломорканал», ранней весной этого, тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, в тот день,

когда на углу нашего дома по репродуктору сообщили, что погиб Юрий Гагарин. Бабуля в тот день не только курила, но и плакала. А сейчас она говорит совершенно ровным голосом

– Наталья умерла. —

Последняя ее сестра, которая жила в Москве вместе дядей Шурой Кирилловым, замминистра финансов в правительстве Хрущева, теперь умерла. И это означает то, что наш отдых в деревне закончен!

Недолгие сборы вещей.

Пока мы собираемся, дядя Вася запрягает лошадь, которую вместе с телегой выпрашивает у соседа-старика до вечера, за поллитру. Он уже сидит за вожжами, когда мы выходим из дома с чемоданом и двумя сумками, и тут я вспоминаю, что финский нож я забыл в сенях, за отошедшей доскою стены. Я вскакиваю с телеги и стремглав бросаюсь обратно в дом. Бабуля провожает меня глазами, полными слез, и не спрашивает меня ни о чем. Я же, вынув нож, и мастерски сунув его себе в сапожок, бегу обратно, захлопнув калитку. Прыгаю в телегу, а дядя Вася, внимательно смотрящий зачем-то прямо под хвост соседской лошади, задает мне вопрос под новые раскаты грома, которые уже значительно ближе

– Вовка, все в порядке? —

– Да. – Говорю я, и он, громко чмокнув губами, трогает лошадь с места.

Нам ехать целых девять километров по проселку через сосновый бор, а потом через поле, до того места, где нас смог бы подобрать пригородный автобус. И я еще не знаю, что мне больше никогда не побывать в этой деревне, да и дядю Василия я тоже больше уже не увижу.

Через много лет от этого дня, когда мы все вместе едем в телеге, обычным днем в середине июля, я узнаю кое-что, от своей бабули, которая будет лежать при смерти, умирая от рака желудка. Тогда, умирая, она будет рассказывать мне многое из того, что долго очень лежало камнем у нее на сердце. Расскажет она и то, что буквально через месяц от этого дня, когда мы еще все вместе едем в телеге по проселку, дядю Васю Марова арестуют в последний раз за то, что он помогал укрыться на Патрином Болоте беглому зэку по кличке Леший, с которым он когда-то давно воевал. А потом его посадят на целых восемь лет, и из зоны он уже не вернется...

Много, очень много событий произойдет в это время, в промежутке между серединой июля одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года и до самой бабулиной смерти, спустя ровно шестнадцать лет. Много и хорошего и плохого, разного. ... Как и бывает обычно в жизни. ... Я за это время успею окончить школу, отслужить в армии, поучиться в институте и жениться. И многое изменится и в жизни семьи, и в жизни нашей страны. Но сейчас еще целых два с половиной часа мы будем вместе. Моя бабуля, которая любит меня и любит Васю Марова, видя в нем не вора, а заслуженного и очень несчастного человека. Василий, который любит меня, как сына, вместо тех своих сыновей, которых он со своей женой, простой русской женщиной Марией, потерял. И любит мою бабулю за то, что она никогда не отказывалась помогать ему, рецидивисту, видя в нем кого-то, совершенно другого. И я, который любит бабулю и очень уважает дядю Василия. Такого смелого, простого и сильного дядьку!

Мы едем в телеге, и нам хорошо всем вместе быть. И я еще не понимаю того, насколько сильно изменился мир вокруг меня.

Уже изменился!

Что в жизни моей уже никогда не случатся дни, настолько солнечные и настолько счастливые, как еще сегодня утром. Потому что финский нож, который, как я пойму много-премного лет спустя, принадлежал дяде Васе, и который он сам нарочно сунул под палое дерево в том единственном месте, где я смог бы его легко найти. И сейчас этот нож приятно сдавливает ногу у меня в сапоге, и я этому по-мальчишески рад! Тогда я еще не понимал, что эта вот самая дорога окажется дорогой, по которой я сейчас уезжаю из детства. Уезжаю из сол-

нечных, беспредельно счастливых и беззаботных моих дней, погружаясь постепенно в землю моего изгнания. В тот самый мир, куда всех нас приводит грех...

Мы едем под начавшийся крупный дождик, и моя бабуля говорит

– Вася, давай споем! – Голос у нее очень хороший. Потому что она пела в церкви. А у дяди Васи нет голоса совсем. Да и слуха тоже. И поэтому то, что они творят с каким-то грустным романсом, не поддается никакому осмыслению! Но, видимо, не в том дело, что они поют не в лад. А в том, что в них есть единство, несмотря на очевидную разницу в уровне мастерства!

Мы едем в телеге, и голоса поющих вздрагивают на каждой кочке, потому что в русских телегах нет рессор. Но это ровным счетом ничего не значит. Потому что нам и горько, и хорошо всем вместе мокнуть под дождем в трясущейся телеге, в полдень обычного дня, в середине июля одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года от Рождества Христова. Или, Новой Эры, как принято было говорить в те годы....

Аю-Даг

Отрывок из повести «Долг»

– Скажите, Джафар Мусаевич ... —

– Просто Джафар. —

– Джафар Мусаевич... Зачем Солнце светит? ... Нам всем. – Глашка поставила свою правую ногу на выступающий из почвы кусок серой скалы, и смотрела на открывающийся отсюда бескрайний морской простор. И было что-то тревожное и в этом ее вопросе и в позе, в интонации ее внезапно дрогнувшего голоса. Они достигли того места на вершине Медведь-горы, которое очень круто сходило вниз и было обращено к Ялте. Вид отсюда был потрясающ в своем одиноком величии. Пустота окружающего их чистого, голубого воздуха, его необъятность, его ласковость и теплоту делали твою душу такой же величественно-необъятной, любящей все вокруг! Эта пустота воздушного океана, окружавшего их со всех сторон, на самом деле просто была неким неисчерпаемым источником, от которого можно было питаться вдохновением целую вечность. Бескрайнего, чистого воздуха вокруг было так много, что у Джафара закружилась голова. И если бы не мелкая растительность вокруг, придающая ногам уверенность, он бы наверняка просто упал! Джафар Мусаевич, выросший в основном, как он сам про себя рассказывал, на востоке Сахары и в песках Северной Аравии, недолюбливал ни горы, ни воду. Особенно в таких масштабах как в Ялте. Одновременное сочетание и гор и моря не вызвало у него раздражения, но, скорее, некое внутреннее неудобство. Однако, это место было особенным. Это место не предполагало разговоров. Это место предполагало медитацию или молитву – кому как больше нравится. Внизу, при взгляде вправо, раскинулась Ялта, казавшаяся ему отсюда неким нагромождением игрушечных домишек на гигантской план-карте боевых действий.

Джафар молчал. Внезапно на него нашло мимолетное чувство тоски. Как дуновение ледяного ветра. От разлада с Ольгой Сергеевной, от... от рутины. Как будто человек потерял нечто очень ценное. «Зачем нам Солнце светит?» Повторил он про себя. «Зачем ветер, дождь? Зачем снега, которые заваливают избы под самую крышу? Зачем... Зачем тут со мной эта Глашка? И какого палого верблюда я полез в мои годы с ней на эту гору?»

– Так бывает. – Сказал он вслух самому себе, имея в виду свои испорченные отношения с супругой. – Бывает. —

– Не знаете вы, Мусаевич, зачем нам Солнце светит! – Повторила Глашка. – А хотите я сама вам скажу? – Она взобралась на высокую плоскую часть голой серой скалы и проворно повернулась на одной ноге к нему лицом. Похоже, у нее от высоты не кружилась голова! Она встала так, что Солнце, только что восшедшее в зенит, оказалось за ее затылком. И от этого ее волосы, колышемые ветром, излучали неистовое, слепящее глаза сияние! «Словно Нимб на иконах святых!» – Подумал Джафар. Он прищурился, глядя на эту... напасть. «Сколько мужчин она еще свела с ума?»

– Годов-то тебе, лет-от сколько? – Шутливым тоном спросил он, припомнив среднерусское просторечье и выразенно, по-Вологодски «окая».

– Какая вам разница? – Парировала Глашка и повернулась к нему в профиль. – Семнадцать уже! По осени маменька сватать грозилась! —

– За молодого и богатого принца, что ли? – Пошутил Джафар. Его рассмешило это Глашкино «уже!»

– За ... – Глашка начала-было говорить и замялась. – За ... —

– Да за кого? —

– За Их Сиятельство, графа... Георгия Ивановича Извекова ... —

– Но ... – Начал-было Джафар, и слова застряли у него на языке. – Ему же... Ему же... Лет шестьдесят! —

– Не знаете вы ничего, милейший. Шестьдесят семь. Ему. – Сказала Глашка. Голос у нее хоть и был ровный, но от чуткого слуха Джафара не укрылась та горечь, которой были насыщены эти слова. И это еще мягко сказано! Джафар быстро представил эту картину. «Неравный брак». Да. Это все уже бывало, есть и будет случаться. Богатые, но старые дворяне вправе брать себе в... нет не в жены, в игрушки, забавы ради, подростков из дворян обедневших. Купаться в их юности, питаться их неиссякаемой молодостью, продлевая себе свои скучные, постылые, последние дни... К

ак ушат холодной воды на голову, вылила на него Глашка эти слова. Джафара захлестнула чудовищная ревность. За те два года, что он знал эту девицу, он уже настолько привык к ее постоянному, навязчивому присутствию в их с Ольгой номере гостиницы, в их жизни, что считал ее почти дочкой! Иногда ее навязчивость просто раздражала. Она всегда появлялась с утра, внезапно и без стука. Таскала из вазы сахар и конфетки, которые Ольга Сергеевна выкладывала специально для чая. Болтала без устали о пустом, не давала мысли сосредоточиться на чем-то одном. Джафара, который практически все время посвящал научным изысканиям, это бесконечно раздражало! Иногда, особенно в минуты, когда ему требовалось побыть наедине со своей женою, он просто готов был вытолкать взашей эту непонятливую девчонку, до которой еще не доходили простые житейские истины. Иногда... Иногда Джафар Мусаевич внимательно ее разглядывал, по мужски оценивая те изменения, которые сопутствовали естественному взрослению. Наслаждался ее фигурой, внимательно следил за тем как она двигается, мечтал, чего греха таить? А гражданская его жена, Ольга Сергеевна, любила Глашку как свою собственную. После потери Ольгой Сергеевной двойни первенцев во время родов Глашка была для нее любимым чадом! ... Так проходили месяцы и годы. И однажды Джафар понял, что больше не может без нее обходиться. Без ее постоянного присутствия рядом. Это чувство в нем было платонически-чистым, девственным. Как и сама Глашка Разговорова. Это чувство было таким, какого он никогда до этого не испытывал, рассматривая прежних своих женщин в первую очередь именно как женщин. В том числе, конечно, так он смотрел и на свою супругу, красавицу и умницу Ольгу Сергеевну... И однажды до него дошло, что он теперь вот по-настоящему полюбил. Полюбил чисто, без намерения обладать этой... молодой женщиной. Без пошлости и потребительства, чем всегда отличались его прошлые связи. ... Да и сегодня с утра вот поперся вслед за ней на пешую прогулку туда, куда сам ни за что бы не полез. В горы! Стоило ей только произнести слово... И тут вдруг оказывается, что... эту твою отдушину от мирской грязи, замуж решили выдать! «А ведь ее у меня больше не будет!» – Мелькнула мысль.

– А ты что? – Спросил он потухшим, хриплым голосом сквозь непослушное горло.

– Я-то? – Переспросила его Глашка. – Да мне... мне другой мил! – Сказала она и добавила – Это просто необходимость любить, Мусаевич! Солнце светит нам для того, чтобы мы умели... учились любить! – И эти простые ее слова высветили вдруг некую Истину, которая отпирает все секреты. Истину настолько глубокую, что в ней отсутствовала внутренняя логичность! Как будто некто невидимый шкатулку открыл и выпустил на волю Свет! «Солнце светит нам для того, чтобы мы учились любить!» – Повторял Джафар про себя. – «И ветер с дождем, стегающие тебя хлестко по лицу, и снега, заметающие избы под самую крышу, и треск поленьев в печи, когда ты изнуренный и продрогший садишься возле с чашкой крепкого чая... Это все для того, чтобы мы учились любить. Любить! ... Боже, как это верно! Как верно!» Они посмотрели друг другу в глаза и сразу все поняли. Далее можно было уже ничего не говорить. Весь этот путь на гору, все предшествующие дни Глашкиного навязчивого присутствия в его жизни, его постоянные размолвки с женой... Его поиски... Чего? " ... чтобы мы учились любить!» Да, вот этого самого места поиски! На вершине Аю-Дага. Под палящим полуденным солнцем, " ... чтобы мы учились любить!» Солнцем, что сияло в ее волосах, словно золотая корона, все

это... это то, к чему они пришли абсолютно закономерно. Неосознанно, но при этом совершенно закономерно! " ... чтобы мы учились любить!» И эта абсолютная неизбежность какого-то надмирного, ничем не объяснимого процесса, приведшего, ... сведшего их вместе в этой точке пространства и времени, она стала настолько очевидна, что в горле у него моментально встал комок! " ... чтобы мы учились любить!» – Все звучало рефреном в голове. – " ... чтобы мы учились любить!»

– Можно достичь своей цели просто переставляя ноги по земле! – Одними губами прошептал Джафар Мусаевич слова, сказанные ему не так давно Лисом. Елисеем. И ставшие для него настоящим открытием. – Теперь я это вижу! – Прошептал он. – Просто идешь и приходишь туда, куда надо! В место, где осуществляются все твои самые потаенные мечты! – Но Глашка, у которой, как и у Джафара, в ушах шумел ветер, этих слов не расслышала. – И сейчас мы пришли как раз в такую точку! – Завершил он свою мысль.

– la fuente de la eterna juventud! – Сказал он Глафире. – Так сказал бы Понсе де Леон, окажись он на моем месте! —

– Не ругайтесь при дамах, Мусаевич! – Кокетливым тоном сказала Глашка, беря его руку в свою и легко спрыгнув с камня на траву.

– Да я и не ругаюсь ... «Источник вечной молодости». Вот, что значат эти слова в переводе с испанского. —

Глашка молчала. Только сильнее сжала в своей ладошке пальцы его руки. Она ожидала от него того, чего ждут от мужчин все без исключения женщины мира. Она хотела услышать его голос, который бы ее позвал... Все равно куда... И тогда вместо своего признания, вместо всех простых и таких нужных слов, в которых они оба так нуждались, Джафар ей сказал.

– Граф Георгий Иванович Извеков был бы для тебя великолепной парой! А ты для него – его... неповторимой музой! —

– Источником вечной молодости? Да? – Переспросила Глашка. Потом сильно потрясла головой и отвернулась в сторону.

Джафар промолчал. В очередной раз он мысленно корил себя за то, что вновь оказался крайне нерешительным в вопросах, связанных с женщинами. Даже со столь молодыми и очаровательными. Или же, напротив, в особенности со столь молодыми и очаровательными. Все это было для него задачами воистину нерешаемыми. И опять он вместо того, чтобы устраивать свою личную судьбу, решил проблему просто избавившись от нее. Как когда-то очень давно, обнаружив на пороге своего дома подкидыша-котенка, взял и выставил его вон, за калитку. «Пусть Извекову достаётся!» – Думал он. – «А у меня есть уже Ольга! Мне и этих... забот хватает!»

– Вы врете! Вы же все врете! – Неожиданно прошептала Глашка, качая головой. А потом повернулась к нему лицом и прильнула головой ему на грудь. – Зачем вы так... со мной? —

Она обняла Джафара Мусаевича своей свободной рукой и стояла, всхлипывая, уткнувшись носом в его сюртук.

– Вру? Тебе? – Удивился Джафар Мусаевич и неожиданно понял, что это как раз оно самое и есть. То, что он говорит ей, есть ложь. А что самое плохое, то, что он и сам себе, в своих же собственных мыслях лжет. И даже этого не замечает. «Солнце светит нам, чтобы мы учились любить!» Опять прозвучали в нем Глашкины слова. «И лгать нельзя, когда светит Солнце! Нельзя! Ибо любовь... она Свет и Солнце, и она неложна!» Кто-то невидимый вкладывал ему в сердце слова, смывающие с глаз пелену слепоты! И внезапно его внутреннему взору открылась вся глубина той бездны, в которую его завела... привычка всегда и во всем лгать! Себе, родным, друзьям, жене, всем... Эта патологически неисправимая привычка все приукрашивать, делать плохое лучшим с целью просто не расстраиваться самому и не расстраивать ближних. Строить эти бесконечные карточные домики лжи. Непрочные и неустойчивые, лишенные фундамента. А когда они неизбежно рушились, эти карточные домики, ...

он просто извинялся! Так, как будто его извинения могли компенсировать потерю времени жизни, проведенного людьми и им самим в этих иллюзиях! Ему представилась ложь, как некое тюремное заточение человека, оболганного и растоптанного, посаженного по ложному доносу! А когда выясняется, что сидел ты напрасно, тебя выпускают на свободу. Перед тобой извиняются и говорят, мол, простите, бывает! Да только вот лет, потраченных впустую, обратно не вернуть! Все в его жизни было именно таким. Сейчас он это отчетливо увидел! И неукрытое желание немедленно все исправить им овладело так сильно, что это не с чем было сравнить! Оно долго зрело внутри, и вот сейчас он это понял. Понял то, что по лжи он больше жить не может! И эту ложь, многогранную и многоплановую, немедленно нужно было исправлять! «Иначе – сказал он сам себе, – Иначе я погибну сам, погублю окончательно Ольгу и эту мою... прелестную маленькую напасть!»

Теперь, когда его мысли обрели, наконец, четкие словесные формулировки, он сказал.

– Я очень... хотел бы быть с тобой честен! Но... Если я скажу тебе всю правду о себе, мы никогда не сможем быть вместе! Готова ли ты пожертвовать своим чувством ради... ради... —

– А вы попробуйте! – Услышал он в ответ. – Попробуйте, я прошу вас! —

«Я тебя люблю! Как никого и никогда раньше не любил!» – Думал Джафар, произнося вслух совершенно иные слова и надеясь на то, что французского Глашка не знает так же, как и испанского.

– Nous sommes responsables de ceux qui ont apprivoisés! Suivez la route de l'amour! (Мы в ответе за тех, кто нас приручил! Следуй же дорогой Любви!) —

Но по всей видимости, Глашка знала французский!

– Это сказал Веселый Белка Маленькому Лисенку? Да? – Она улыбнулась, подняв вверх заплаканные глаза.

– Откуда ты знаешь? – Удивился Джафар.

– Ольга Сергеевна дали мне книжку почитать! – Сказала Глашка. – «Лабиринты Одиночества!» —

– Вот-те раз! – Воскликнул Джафар. Он был очень удивлен. – Любишь ли ты меня как Елизавета Петровна Веселого Белку? Или ты хочешь быть моим Маленьким Лисенком, ищущим себе хозяина, который бы о нем просто заботился? – Спросил он Глашку.

Но Глашка только отрицательно покачала головой. Она не намерена была шутить, и ее лицо стало по взрослому серьезно! Он смотрел в ее глаза, такие не детские на таком еще детском, прекрасном лице, и это разительное несоответствие сказало Джафару Мусаевичу о том, что Глафира намного, намного взрослее внутренне, чем выглядит внешне.

– Я любить хочу! – Взмолилась она. – Вас любить! – И затем, подчеркивая в сказанном букву «А». – Я ражать хочу! Детей. Вам! – Они так и продолжали стоять, обняв друг друга. – Охранять ваш сон, любить вас. Заботиться о вас. – Она помолчала и прошептала. – Угодать! Я буду вам угождать. Я хочу вам угождать во всем! Я буду наслаждаться упреками, если вы решите меня ругать! ... – Продолжала Глашка спокойным, уверенным голосом, глядя Джафару прямо в глаза. И этот ее тон говорил ему о том, что слова эти ею выстраданы. Это не был порыв, который иногда случается в речи человека, вдруг решившегося на откровения. Это... это было все продумано и много-много раз сказано в своих мыслях. Темными, бессонными ночами. В компании мокрой от слез подушки! «Она же живет с этим уже давно!» – Понял внезапно Джафар. – «И конечно, страдает!» – А если я вам когда-то надоем, – продолжала Глашка, – я дам... я позволю вам меня убить. Сбросить со скалы в море. Я из ваших рук приму все. И ладное, и худое! Все! Только не лгите мне! —

– Я и не лгу! – Оторопело сказал Джафар. Настало время откровений. Время, когда никакие иные слова кроме Правды звучать не должны! – Я тебя люблю! И это правда! Как никого и никогда раньше в жизни не любил! – Сказал он и крепко-накрепко прижал ее к себе. – Просто раньше я был слеп и этого в себе не видел! ... Не видел! —

Их взгляды и дыхание слились и стали единым потоком. Мощным и прекрасным. Чистым, как окружающий их знойный воздух лета... И никто из них уже не мог различить где он, а где... другой. В объятиях казалось, что их души слились в одну, общую душу. И теперь соединились так, что разорвать это было невозможно, не убив при этом обоих! И это соединение их душ, мыслей и чувств вызвало у них такое внутреннее ликование, что у обоих перехватило дух! Как будто Рай снизошел на землю!

«Любовь, будучи Богом... это она, ... Он... единственно и может подавать и дарить Себя, в качестве Любви, и обладать всем твоим естеством, во всей полноте своей власти, «... всё во всё наполняя ...», по слову апостола!» – Думал Джафар, вспоминая слова, которые недавно читал. – «Я буду самой последней сволочью, если сейчас позволю себе погубить нас обоих!»

Глашка разорвала их единое, общее дыхание и смотрела на него, боясь даже моргнуть. Как будто краткий миг закрытых глаз мог прервать это невероятное единство!

– Все во всем наполняя? – Спросила она вслух то, о чем он только подумал про себя. – Это же мы с вами, родненький! – И это уже не показались ему удивительным.

– Если когда-нибудь, как ты предположила, ты мне надоешь, – ответил ей Джафар, – то с этой горы в море мы упадем вместе. – Потом подумал и добавил. – Потому что я тебя не предаю! Не брошу! Я теперь просто не смогу быть... существовать отдельно от тебя! —

Цикл миниатюр под общим названием «Люди в Церкви»

Слово о революционерах

Все Революции объединяет одно – революционеры умеют только рушить, но не созидать. Созидают потом другие, значительно позже и на развалинах. Призвание же самого революционера – только разрушение. Омерзительный народец с лозунгом «Все, что не по мне – все в топку Истории!». Присваивая себе право решать за народ, от имени народа и во имя народа, лгут, потому как никто их такими огромными полномочиями никогда не наделял и никогда бы не наделил! Гордецы и эгоисты, заставляющие абсолютное большинство подчиняться абсолютному меньшинству. Твердолобые, с выгоревшей от ненависти душой, ничего не слышащие кроме собственных лозунгов и собственного прожектерства. Фантазеры без разумного фундамента. Ничего не ценящие кроме своих бредовых, безумных идей! Франция – Россия – Украина. Под копирку! Танцы на граблях! ... Я не могу вас даже ненавидеть. Мне омерзительно касаться вас в душе даже на уровне ненависти, прародители зомби!

«Слово на Прощенное Воскресенье»

Вот и прошло Прощенное Воскресенье и наступил Великий Пост. Что сказать мне вам, знающим побольше моего?

«Простите», – конечно, скажу. А сам подумаю: А что такое «простите»? Что для меня скрыто в этом слове? Не являюсь ли я лицемером, говоря в слух уха человеку слова «прости меня грешного», при этом не испытывая ни малейшего желания ни прощать самому, ни просить прощения. Ну, положено нам раз в году говорить эти слова. Вот и говорим...

Отсюда именно и растут те самые ноги, которые и приводят тебя к смерти твоей души. Именно отсюда. Именно от нежелания совершать духовный труд. Ибо в двигании челюстями и языком труд невелик. Я могу говорить и читать часами, не утомляясь. Но... Вот простая вещь – выгнать из своего сердца крошечную занозу, имя которой «обида» – лично для меня есть труд воистину Сизифов. И давит меня этим катящимся камнем раз за разом, растирая в порошок!...

Дорога в рай имеет направление строго вверх.

А ты еще вынужден не просто прогуляться с рюкзачком, но и катить впереди себя в гору эту огромный камень, имя которому «грехи». И немилосердие, непощение, памятозлобие – являются ядром этого камня, на которое нарощен толстенный слой грехов, возникающих от слова «справедливость». Прощает только любовь. А справедливость требует отмщения, воздаяния по заслугам.

Поэтому, там возникает справедливость, где совсем оскуде источник Воды Живой. Справедливость начинается там, где кончается Любовь!...

Поймите меня правильно, я не толстовец, и не призываю ко всепрощению. Более того, я считаю государственный институт права – залогом отсутствия анархии и оплотом порядка. Государство обязано быть именно Справедливым в силу необходимости соблюдения всеми нами Законов в равной мере ответственности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.